

ПРОЦЕССЫ МИРА И ВОЙНЫ

АЛЕКСЕЙ БОГАТУРОВ

Научно-образовательный форум по международным отношениям, Москва, Россия
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются ключевые методологические основания прикладного анализа международно-политического противоборства и кооперации. Их востребованность возрастает в связи с обострением отношений между Россией и Западом в связи с украинским конфликтом. В результате встает вопрос о перспективах урегулирования противоречий относительно будущего Донбасса. Европейские государства (Германия и Франция) выступили инициаторами замирения сторон, но неясно, в какой степени они могут быть полезны для разрешения конфликта. В то время как процесс выработки взаимоприемлемого компромисса зашел в тупик, возникает потребность в поиске инструментария структурированной оценки уровня напряженности политического конфликта, перспектив его перерастания в вооруженное столкновение. Современная политика характеризуется не столько снижением применимости насилия для достижения сторонами своих целей, сколько распространением новых форм его воплощения, в том числе в виде диверсионно-террористических и новых неконвенциональных войн. Более того, в современных условиях расширение боевых действий нередко выполняет функцию принуждения противоположной стороны к миру. В этой связи мир и война сегодня находятся в диалектических отношениях. Как следствие, вооруженное насилие не перестает быть необходимым элементом политики. Простым, конструктивным влиянием на соотношение сил мира не всегда можно достичь. В этом состоит противоречие. Война в этом смысле будет испытанием на прочность, попыткой обеспечить себе удовлетворительные способы решения альтернативным путем и с высоким риском. Диалектика мира и силы продолжает определять специфику дипломатической повестки дня.

Ключевые слова:

политический конфликт; интенсивность сотрудничества; война; терроризм; Россия; Запад; украинский конфликт.

Большинство россиян за последние годы не сразу, но определились в главном — переходе от *совместного с Западом рывка вперед к общему благу* к отступлению назад к *разделенному сосуществованию, развитию по собственному замыслу*. Исход такого выбора будет виден нескоро, и его очертания пока не просматриваются. Тем не менее общий смысл стратегии понятен: в первом случае речь идет об использовании преимуществ, имеющихся друг у друга, во втором — об опоре на собственные силы. США (явно) и ЕС (с сомнением) хотели бы максимально отдалиться от России. Москва, отдаляясь от их блока с долей амбивалентности, сохраняет в обострившемся проти-

востоянии небольшие позиционные преимущества (союзы с Белоруссией и Казахстаном).

Нынешняя ситуация — возвращение к старому историческому противоречию. Вместе с тем сегодня в нем появляется новый аспект, связанный с поиском сильного партнера. Таковым может выступить могущественный Китай. На традиционной политической карте КНР, очевидно, выступает представителем Востока, в то время как «Америка-Европа» — выразители Запада. Куда в этом смысле поместить Россию? Четверть территории тянет ее на Запад, три четверти — на Восток. Если отойти от пространственного детерминизма и посмотреть

на население, ситуация прямо противоположная. Спустя неполные три десятилетия с момента распада СССР ясного ответа на этот вопрос так и не сформулировано.

1

За два с небольшим десятилетия многое было сделано для сближения с Китаем, но серьезное движение вперед наблюдалось и на европейско-американском направлении. По обоим трекам продвинулись, но, по-видимому, рассчитывать надо все равно *на собственный потенциал, сопоставляя преимущества, которые нам сулит выбор одного или другого вектора*. В этом контексте стоит рассматривать дилемму — с кем решать вопросы территориальной целостности после вхождения в российскую юрисдикцию полуострова Крым — с европейцами, китайцами, турками, арабами, иранцами, индийцами или с американцами?

Можно предположить, что эта проблема решится «по-европейски», но лишь спустя достаточно продолжительное в историческом плане время. Показательно, что вопрос о полуострове не стал предметом усилий франко-германского тандема, в отличие от Донеца и Луганска. Проблему двух последних удалось взять изолированно, «утрасти» в Париже и Берлине, после чего встала задача совместно согласовать решение с Россией и Украиной. К этому европейские союзники приступили в 2015 году, сразу проинформировав США в феврале того же года.

В их руках оказалось решение сложного многостороннего конфликта, требующего длительного внимания, деликатной дипломатии, финансовых ресурсов и культурного воздействия. Большинство россиян, как и большинство французов, немцев и итальянцев, стремятся к урегулированию противостояния. Оно даст решение ключевых экономических проблем для Западной и Центральной Европы так же, как и для самой России.

Рассчитывать, что США решатся на встречные шаги, не приходится. Сегодня у них в руках сосредоточены все возможности для политического давления. Вашингтонский договор о создании НАТО (1949) с добавлением новых членов создает эффективный механизм обеспечения их интереса даже без непосредственного участия в переговорах. Вопрос об Украине создает дополнительные препятствия для их военного будущего, равно как и вопрос о реакции Москвы на все сопутствующие маневры Киева.

Сюжет российско-украинского конфликта показывает, сколь уязвимым может быть сложившееся равновесие в Европе в силу противостояния, происшедшего из общей истории, длительного со-развития и непохожих витков эволюции. Большинство украинцев находились под патронажем Москвы, шесть регионов развивались под эгидой Австро-Венгрии, а потом и Польши. Сейчас Россия и объединенная Украина натолкнулись на сложный вопрос — как втиснуть (и втиснуть ли) в рамки единого исторического витка, заставить биться едино сердце *шести западных украинских земель* с большинством восточных, южных, центральных и северных областей. Сама Москва, очевидно, ограничила себя Крымом. В меньшей степени, чем обычно думается, она взяла на себя посредничество в интересах Донецкой и Луганской республик — в связи с их культурной, языковой, религиозной близостью к Украине и большими, чем в случае с Крымом, отличиями от России.

Конфликт из-за границ Украины стимулировал военные действия на территории страны. Вооруженные силы Киева и Донеца вступили в 2014–2016 годах в *конфронтацию* из-за территории, на которой каждая из них предполагала укрепиться. Периодические перестрелки усугубляли перспективы нормализации¹. Вместе с тем при наличии воли участники конфликта могут обеспечить сотрудничество, всту-

¹ Кризис на Украине. ОБСЕ требует от Киева прекратить обстрел Донеца. – 18 января 2015. URL: <http://pronedra.ru/war/2015/01/18/doneck-obstrel-4/>

пить в *кооперативный* тип отношений. Это требует расширения свободы дозволенного, не ставя под сомнение суверенитет каждой из них, их полномочия над занятой территорией. Пока, однако, очевидно, что отношения сторон внутри украинского конфликта далеки от взаимопонимания по этому вопросу.

Можно допустить, что на них повлияет *третья сторона*, в частности германо-французские посредники. Предложить свои услуги могут и другие игроки, доказавшие свою нейтральность и интерес в завершении схватки. Желательно, чтобы они имели возможность проявить стремление к миру.

2

Переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единичного удовлетворения интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объединяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть *внутриполитическим* или *международным*. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства.

Субъектами расширения ситуации могут стать и негосударственные игроки – это тот случай, когда носителями конфликтного потенциала выступают силы, не набравшие потенциала поддержки со стороны государства. Они видят перспективу объединения с целью выдвинуть свои требования в качестве политических. Гражданские силы начинают преобразовывать себя, готовят к выступлению в военной роли. Они аккумулируют потенциал для сопротивления силам сдерживания по линии государства. По такому сценарию развивалась ситуация на Украине. Хотя нередко он перерастает в регулярные стычки

между штатными частями с обеих сторон и с привлечением третьих стран. По такой модели развивалась гражданская война 1991-1997 годов в Таджикистане и конфликт в Сирии 2011–2016 годов.

Конфликт относительно нарушения прав субъектами международных отношений может стать взаимным обменом враждебными действиями [Хрусталеv 2015: 132-137]. Об остроте событий можно судить по публикациям в прессе и Интернете. Массовые выступления следует оценивать по списку конкретных нарушений прав меньшинств в рамках законодательных акций и предполагаемых инициатив. Конфронтация может быть и односторонней, но следует критически оценивать устойчивость такого положения.

Конфликты обладают динамикой и прерывистостью. Они способны начинаться стремительно, затем замедляться, протекать внешне почти незаметно. Этим определяется их специфика, количество ресурсов, которые на них тратятся. Стороны сами решают, какова цена контроля над территорией, за которую идет столкновение. Возникает вопрос об урегулировании – стороны, заинтересованные в нем, устанавливают правила, по которым строится взаимодействие: либо все жертвуется ради победы, либо конфликту разрешается «течь, как он течет». В последнем случае он развивается в соответствии с заложенными в нем естественными силами. Конфликт становится предсказуемым: у сторон появляется возможность «приостановиться».

По количеству прямых и опосредованных участников конфликты бывают двусторонними, многосторонними и коалиционными. При этом зачастую стычки, в которых противостоят две «банды», например, в Сирии, требуют вмешательства великих держав и других государств. К сирийским переговорам привлечены правительство в Дамаске, враждебные ему коалиции местных сил, Россия, США, дипломаты ООН и ЕС, Турция, Ирак.

В условиях биполярности возникали коалиционные конфликты большого масштаба. В современных условиях Китай не

имеет отношения к подобной практике, предпочитая не вмешиваться в борьбу вне своего непосредственного окружения. Другое дело, США, ЕС и Россия – чаще всего, между ними налицо соперничество в различных контекстах. Оно становится явным, как только они решаются вмешаться в ситуацию в удаленных регионах, следуя предпочтениям части общества.

Конфликты такого рода² бывают в зависимости от своего этапа либо широко-масштабными *региональными* столкновениями, либо более частными, *локальными*. В случаях, когда столкновение приобретает масштабный характер, оно выявляет общую расстановку сил на международно-арене.

З

Возрастание миграционных потоков в 2015 г. выявило неготовность ЕС защищать свои рубежи от толп замученных, а потом и разъяренных людей, идущих «напролом». То, что воспринималось в качестве временных трудностей, вылилось в огромный акт перенапряжения не только узлов коммуникаций, но и общего потенциала сдерживания наплыва беженцев во всех принимающих странах.

С одной стороны, в Европейском Союзе это вызвало комплекс слабости, неподготовленности принимающих стран. С другой стороны, мигранты продемонстрировали отчаянную активность, вызванную безальтернативностью их положения – отсутствием пути к отступлению. ЕС действовал несогласованно, переложив основной удар на соседние страны и наиболее слабых своих членов – Грецию, Македонию, Боснию, Сербию, Венгрию и Словакию. Другие государства (Германия, Франция, Британия, Бельгия, Швеция, Италия) не-

хотно занялись совершенствованием своего внутреннего законодательства, регламентирующего условия пребывания иммигрантов.

Волна иммиграции в ЕС за 2015 г. превысила 1 млн человек³, а потоки беженцев из Сирии и Ирака (там формировалось «Исламское государство»), а также из Афганистана, были много бóльшими. Переселенцы «оккупировали» соседние страны. В результате Турция, которая затратила часть полученных от ЕС средств на содержания переселенцев, уподобилась стране-трамплину, готовившей в лагерях иммигрантов для будущего расселения в Европе. Отношение к беженцам стало примером стратегического просчета стран ЕС. Никто в зарубежной Европе не ожидал, что бум миграции окажется столь значительным⁴.

Ситуация в Сирии, на ход которой серьезное влияние оказали воздушные бомбардировки России, стала одним из главных предметов переговоров в отношении Москвы и Запада. Российско-американские договоренности – важный фактор прекращения эмиграции из этой страны.

4

Методологически меры воздействия на противника делят по *интенсивности* влияния, выражающейся в частоте враждебных акций, и *формату* давления – переходе от информационного воздействия к силовым мерам. Первая стадия уступает второй по мощности, но она отвечает задаче поддерживать противника в напряжении. Переход между ними означает прорыв – либо в виде переформулирования задачи кампании на нынешнем этапе, либо в ее переходе в интенсивную, более масштабную военную программу.

² Цыганков П.А. выделяя *теорию*, отделяет ее от *истории* международных отношений [Цыганков 2015: 11–16].

³ В 2014 г. иммиграция достигала 272 тыс. чел., а 2015 г. превысила обещала 1 млн. чел. – ТАСС. Миграционная проблема Европы. 16.09.2015. tass.ru/Международная-панорама/2959836

⁴ Руками 500 тыс. представителей турецкой диаспоры, образовавшейся в Германии за весь послевоенный (1945 г.) этап, германская бюрократия обещала поддержать промышленный рост. Планировалось и дальнейшее увеличение этого числа за счет внешнего притока. – Германия больше не верит беженцам. 2 марта 2016 >user/4297765177/content/germanii.newsland.com

Напряженность может быть оценена как низкая, средняя и высокая, в зависимости от характера действий участников. Первая стадия предполагает пропагандистские акции, формирование у противника стереотипа действий, проводимых на грани «правоты-неправоты» между «правильным» и «не вполне правильным». Вторая – предполагает формулирование угрозы, предупреждения от имени государства. Это действие должно выражаться в официальных заявлениях. Все обстоятельства желательно учесть и отразить в декларации. Третья форма являет собой санкцию в форме демонстрации силы, концентрации боевых частей или проведение маневров группы войск. Степень опасности подобных действий трудно недооценить, от них недалеко до войны. С этого момента внешнеполитический конфликт может перерасти в крупномасштабные вооруженные действия.

Не каждая война предполагает массовое уничтожение гражданского населения. Противоборства *конвенциональной* (проводимой согласно существующим нормам) и *неконвенциональной* (не придерживающейся таковых) природы не стремятся к этому. При *тотальной* войне борьба с гражданами провозглашена одним из приоритетов, а вооруженные силы используются без ограничений. При *диверсионно-террористической* войне такая задача может быть основной. Наступление с воздуха, развернутое США в Афганистане в октябре-декабре 2001 года, показало возможность тотальной диверсионно-террористической войны – она стала примером соединения общей войны с частной гражданской.

Во время нападения НАТО на Югославию в марте 1999 г. планомерно уничтожались объекты инфраструктуры и гражданского назначения, хотя при этом население предупреждалось об опасности. Оно несло потери, но ограниченные. Это была модернизированная форма войны, кото-

рую США и Британия вели против Германии в 1943–1945 годах, с поправкой на информирование гражданского населения. Американцы и британцы хотели освоить цивилизованную войну, исключаяю потерю среди мирных жителей и не нарушающую нормы международного права.

Стычки с правоохранителями и сторонниками порядка, начавшиеся в 2005–2006 годах в пригородах Парижа, населенных преимущественно мигрантами и их потомками оказались вариантом борьбы угнетенных⁵ против большинства общества, *цивилизованной партизанской* войны. В ходе выступлений уничтожались машины, громились магазины, проходили организованные столкновения с полицией. Однако огнестрельное оружие не применялось. Жертв в ходе выступлений не было, они были хорошо организованы и скоординированы. Попытки модернизации войны происходили со стороны «угнетенных» – новое явление, с которым столкнулась охрана правопорядка Франции.

Впервые *тотальную войну* стало вести руководство нацистской Германии, но апогей был достигнут в 1945 году, когда США пошли на спланированную, целенаправленную атомную бомбардировку японских городов Хиросимы и Нагасаки. После Второй мировой войны вариант гуманной тотальной войны был модифицирован. Уничтожались все возможности производства оружия и ведения вооруженной борьбы, однако потери среди гражданского населения пытались сохранять на минимуме. Используя «двойные стандарты» такой войны Израиль развернул кампанию против Ливана (1978 г. и 1982 г.) и сектора Газы⁶.

США применили в 1999 г. такую скрытую тотальную войну, творчески ее развив, применительно к Сербии. Они решили использовать радиологическое оружие против вооруженных сил противника, авиации, складов, мостов, но исключив его

⁵ 2005 CivilUnrestsinFrance. Videos. – wn.com>2005_civil_unrest_in_France

⁶ [Фененко 2013]. Показательно, что автор отделяет известные в истории опусы от случаев, приобретающие популярность в последние годы.

применения против мирного населения городов и сельской провинции с помощью предупреждений. Имелось в виду использовать оружие «нестандартного» формата – бомбы с обедненной атомной начинкой. Это было *первым случаем* применения такого оружия в Европе, хотя его использование не идет в сравнение ядерным оружием, примененным в Азии. Эффект воздействия был большой, и Белград оказался вынужден пойти на прямые переговоры с противником.

История показывает: террор представлялся индивидуальным средством борьбы, а в отличие от него войны – явления массовое. Тем не менее два этих понятия начали сближаться. Серия множественных террористических актов – еще не массовый акт. Диверсионно-террористическая война – переходная форма между индивидуально-политическим терроризмом и партизанской войной. Ее можно вести на территории противника (в отличие от партизанских действий – к примеру, арабское движение на территории Израиля), хотя и в ограниченных масштабах. Вместе с тем терроризм похож на повседневную партизанскую войну.

Диверсионные войны были внутренним явлением, но с течением времени они стали приобретать явно выраженный международный размах. Инициатором перемен стала Организация освобождения Палестины (ООП). Такие войны ведутся политическими организациями при поддержке одного или нескольких государств. Например, спонсором современных радикальных исламистов нередко выступает Саудовская Аравия.

Она оказала влияние на ультралевое крыло экстремистской баскской организации ЭТА в Испании. Ранее последняя не пыталась вести тотальные войны. Она отстаивала необходимость выделения национального меньшинства из-под власти Мадрида, используя обычный террор. Тем не менее в 2003 г. под влиянием арабских доноров баски оказали воздействие на правительство Испании. Совершенный накануне выборов террористический акт заста-

вил страну вывести войска из Ирака, где они находились в составе оккупационных сил под руководством США после свержения С. Хусейна.

Технический прогресс обогащает средства осуществления террора. Пример тому взрыв в самолете, летевшем из Египта в Россию осенью 2015 года. Угон авиатранспорта, захват управления аэропортами – свидетельство происходящей эволюции оружия в области воздушного террора.

Меняется облик исполнителя убийства. Если после Второй мировой войны транспортный террорист-смертник был прежде всего *мужчиной*, то теперь среди идущих на смерть стало больше *женщин*. Девичьих лиц много среди едущих в переполненных вагонах метро, воздушных судах, в залах общественно-культурных мероприятий. Женщина перестала отличаться от мужчины и может быть не менее опасной. Среди борцов с террором также увеличилась доля женщин, что стало заметной тенденцией конца 2010 годов. Разнонаправленные усилия агентства Интерпол – результат международного кооперационного взаимодействия, *сотрудничества ряда государств*, против преступности. Пример – скоординированная работа профильных ведомств, выходящая за пределы координации общей направленности действий. Прежде всего, в ней принимают участие ведомства США, России, Франции, Британии, Германии, Италии и многих других [Манькин 2009: 48].

5

С учетом интенсификации транснационального сотрудничества усиливается следующая тенденция: международный обмен влечет за собой распространение информации. Второе оказывается частью первого, но не все тайны становятся достоянием взаимодействия. Если у многопрофильных ведомств оказывается много общих интересов, процесс сотрудничества получает развитие. Когда количество обмениваемой информации небольшое, кооперация наций остается спорадической.

Сотрудничество может подавляться инспирируемой конфронтацией. Мир в боль-

шей степени един, чем раньше, но в нем достаточно места для противоборства. В ситуации, когда в нем превалируют тенденции к отстаиванию своего суверенитета, тренд на размежевание может нарастать. Это значит, что каждая часть общества будет добиваться своего, необходимого «для жизни» самостоятельно. Запад, Восток и «ни то, ни другое» — все будут упорно стремиться к своему особому положению (статусу) и самостоятельной политике.

В то же время они зачастую идут параллельно, когда стороны добиваются одного и того же результата [Хрусталеv 2009: 113], а силы тратят раздельно. Разные части мира добиваются похожего, не объединяя расходуемые ресурсы. Россия к началу 2011 г. поставила задачу интеграции в мировую экономику и добилась в этом существенных результатов, хотя и не всего, чего хотела. С нового уровня она идет к задаче создать экономическое общество завтрашнего дня, не теряя ничего из сегодняшнего.

Если общие интересы считаются жизненно важными, то государства могут идти на временное замораживание существующих противоречий. Оптимистичная оценка состоит в том, что разрыв России с США и ЕС — явление временное, хотя сколько ждать его преодоления, сказать трудно. С Западом к 2016 г. противоречие длится три года. Есть возможность посмотреть на Восток — идти навстречу Китаю и Индии.

Международное сотрудничество характеризуется показателями интенсивности и устойчивости. *Интенсивность* определяется числом проблем, по которым ведется сотрудничество. Количество переговоров и других форм диалога, в которых воплощается взаимодействие. *Устойчивость* — показатель комплексности, совмещения сотрудничества по одному типу проблем взаимодействием по-другому.

Отдельная категория политического общения великих держав — военное сотрудничество и обмен специфической информацией в технической области. Достижения в этой области сохраняют преимущественно закрытый характер. Вбросы информации относительно такого рода коо-

перации оказываются либо сознательной акцией, либо выступают результатом непродуманных шагов или случайностей, допущенных игроками. Еще одна чувствительная группа вопросов — общение по текущим проблемам внутренней жизни с представителями иностранных государств. Взаимодействие может развиваться параллельно по нескольким каналам. В него вовлечены чиновники, представители политической и культурной элиты, военные, журналисты.

Аналогом показателя враждебности в случае сотрудничества становится дружелюбность контактов. Существует четыре стадии развития отношений — *консультационная, координационная, коалиционная и интеграционная* дипломатия. Низкая консультационная фаза предполагает лишь обмен информацией о позиции каждой из сторон на уровне министров или заместителей министров, глав государств и правительств в личных беседах и по техническим средствам связи. При координации обмен информации дополняется согласованием подходов во избежание конфронтации. Имеет место неформальный отказ от враждебной деятельности.

Коалиционная фаза предполагает наличие общей позиции и стратегии ее реализации, согласованной программы действий. Они могут быть оформлены в виде юридических документов, хотя так происходит не всегда. В первом случае коалиция обещает быть более долговечной, а во втором она конъюнктурна — на время существования общей угрозы или противника. Вместе с тем правовое оформление ничего не гарантирует в политике. Договоры СССР с Британией и Францией (1942 г. и 1944 г.) были разорваны, поскольку в 1954 г. Западная Германия, в связи с провозглашением Москвы своим противником, вступила в Западноевропейский союз и НАТО.

Неформальные коалиции часто оказываются самыми неустойчивыми. В случаях долговременного сотрудничества стороны стремятся оказывать помощь или заключают договоры о том, что представляет для них интерес. Если договор подписан о дружбе,

сотрудничестве и взаимопомощи, то коалиция может трансформироваться в блок – во время войны или в преддверии ее. Такой союз может тяготеть к расширению.

Коалиции могут быть *симметричными* по составу и *асимметричными* с выраженным лидерством. Асимметричный блок бывает *партнерским*, *вассальным* и *клиентским*. В партнерском – лидер является старшим партнером. В вассальном – он связан системой обязательств, которые ограничивают свободу действий, так как дают некоторые права более слабым. В клиентском – все члены лишены своей воли, кроме лидера.

Б

Мир – желаемое конечное состояние, средство обретения благосостояния или инструмент дипломатического воздействия? Он оказывается способом заманивания, вовлечения в желанное состояние. В ряде случаев он выступает не в качестве альтернативы, а в качестве дополнения к войне. Чем острее восприятие ее, тем успешней будет мирная дипломатия – наступление Северного Вьетнама против США в 1971 году, бомбардировки Сербии в ходе операции в Боснии в 1995 году, наступление американцев в Ираке в 2007 году, полеты российской авиации в Сирии в 2015 году⁷. Стороны идут на эскалацию для того, чтобы быстрее добиться мира. Война – выступает одним из средств навязывания нового соотношения сил тем конфликтующим партия, которые оказались в него втянуты.

Вопрос преобладания склонности к умению *маневрировать* или *использованию силы* зависит от совокупности конкретных причин. Преобладание господствующей морали в общественном сознании и установившиеся практики определяют преобладающие тенденции к миру или войне в политике ведущих держав.

Наличие стран, проявляющих дефицит демократичности, позволяло предвидеть потенциал войны за *недемократическими тенденциями* на Востоке. Западным стра-

нам потребовалось выпестовать «демократическую солидарность» для укрепления потенциала мирного развития – между Канадой, США и ЕС. Осталось неясным, куда помещать бывшие социалистические страны – Украину, Россию и Белоруссию. «Не вполне демократические страны» вызвали замалчивание, что отражало, по всей вероятности, неготовность принять их в сообщество мирного развития. Исторический опыт дают и другие примеры отношений со странами, характеризуемыми как «не вполне демократические». К таковым относятся конфликты Кипра-Греции-Турции 1974 года, Британии и Аргентины 1982 года. Нерешенным остается вопрос о Пакистане и Индии.

Преобладание тенденции к миру или войне в конкретной стране зависит от того, каким будет к ней отношение в данный момент времени. Будет ли состояние оцениваться как оптимальное, минимально приемлемое или максимально благоприятное. Политико-психологический фон может также служить источником войны. Он отражает адекватные и неадекватные мнения стран относительно друг друга. В частности, могут быть завышены представления об оптимальных условиях реализации интересов сторон, может иметь место и чересчур оптимистичные оценки собственного потенциала и заниженные ожидания относительно стоимости сотрудничества. Некорректными могут быть представления о степени сопротивляемости окружающей среды внешней политике страны.

Отсюда мнение о «параноидальных войнах» – попытках застраховаться от «одржимости» безопасностью. Таков был случай агрессии Ирака против Кувейта (1990–1991 годов) и вспышка пакистано-индийского противостояния из-за угрозы атомной бомбардировки военных контингентов друг друга. Сюда относятся и превентивные войны, инициируемые в условиях роста опасений относительно нарушения хрупкого баланса сил (Судан, Сомали).

⁷ А.Арбатов. «Участие России в конфликте будет только усилено». – Открытая Россия. 24 ноября 2015. openrussia.org/post/view/10790/

Мир и война — это средства регулирования системы, которыми пользуется государство. Это выражается либо целенаправленным стремлением сохранить порядок, либо — его сознательным, силовым нарушением, попыткой насильственным путем изменить существо организации дел. Мира не всегда можно достичь простым, конструктивным влиянием на соотношение сил. В этом состоит противоречие. Война в этом смысле будет испытанием на прочность, попыткой обеспечить себе удовлетворительные способы решения *альтернативным* путем и с высоким риском.

В условиях мира можно достигать целей через ведение переговоров — например, об оказании по разным направлениям экономической или гуманитарной помощи. Последняя доступна через облегчение условий получения информации по линии образования, и необязательно в своей стране, а посредством длительных поездок за рубеж. Помощь может быть предоставлена и по линии нормотворчества, что может затрагивать налаживание работы институтов власти, изменение практики на местах, изменение институциональной юрисдикции, отработку опыта в системе органов, в которой новые институты не предусмотрены.

Такая помощь не сразу приводит к изменениям в поведении контрагента, она воздействует неспешно, встраивая новые коды действия в существующую бюрократию, которую подрывает изнутри. В самом общем виде мирная помощь по юридической линии означает привлечение лояльных граждан, вовлечение людей в преодоление бюрократической «закваски». Она может воздействовать на все аппараты нуждающихся в модернизации крупных государств.

Между тем помощь по военной линии может воздействовать гораздо быстрее. Все зависит от того, насколько далеко страны готовы пойти по этому пути, осознают ли они себя «сильной стороной» или не стремятся видеть себя таковой. Военные всегда с большим интересом воспринимают све-

жую информацию⁸ о боевых действиях армии победившей стороны, условиях и формах оккупации или механизмах информационной блокады противника. В современной информационной войне участники в обстановке «условно пленных» готовы воспринять «единство двух противоположностей». Во что превратилось бы применительно к противнику *изоляция, вытеснение*, или современным языком говоря, *слияние* — превращение врага в себе подобное, без предоставления ему права на собственное мнение. Есть противоречие между двумя выражениями, которые употребляют победившим к врагу. Не ясно, что будет лучше, «изолировать» или «сохранить анклав чужого», насильственно переплавить в целях уподобления его в образец соответствия своей демократической модели.

Происходит изменение средств воздействия от грубого давления силовым потенциалом к объективной политико-экономической зависимости, а потом к современной, морально-нормативной форме давления. Между тем все ли было морально в ведении войны в Чечне, Косово, Боснии, Афганистане, Ираке, Сирии, на востоке и юге Украины [Ознобищев 2011: 54]? Не ясно, удастся ли нащупать универсальный критерий объективности.

7

Классифицировать современные войны необходимо, хотя условность критерия очевидна. Как всегда, поправку приходится делать в соответствии с велением времени, проверяя объективностью. *Во-первых*, войны следует делить на *справедливые* и *несправедливые*. Первые — направлены на отстаивание с оружием в руках суверенитета и права общности на свою независимость. Вторые — на приращение своих «прав» в новых сферах. *Во-вторых*, войны определяются *реалистическими* и *экспансионистскими* мотивами. К первым относятся оборонительные, не направленные на захват чужих ресурсов, а на защиту. Войны освоения

⁸ О ценности «свежей информации» пишет А.А.Кокошин, говоря о книге Уэсли Кларка. См. его: [Кокошин 2004: 23].

будут прорисовываться как конфликт в пользу интеграции, того что приобретено.

В-третьих, следует выделять в отдельную категорию конфликты *исторических трансформаций* – «войны распада» больших государств, в которых замешана национально-освободительная волна. Сдвиги, которые трудно определить, тем более что у государства есть возможности предупредить их мирным конституционным или военным путем. Кроме того, выделяются войны, сопряженные с неудачей мирной трансформации, необходимостью передела мира в условиях изменения соотношения сил. Это побуждает видеть в них объективную данность *стихийного саморегулятора* системы международных отношений, средства шокового, катастрофического сброса перенапряжения.

Угрозы системе различаются на глобальные, региональные, локальные и *транснациональные*⁹. Под последним понимаются войны, связанные с активностью *нового субъекта, способного наносить удары как извне государственных границ, так и изнутри их*. Сетевая природа субъекта позволяет эффективно бить по системе, состоящей из государств. Нападения летчиков-исламитов на высотные башни в Нью-Йорке и Пентагон в 2001 г. стали в этом смысле наиболее показательным примером. Крупномасштабный терроризм, наркобизнес, эпидемиологические, информационно-психологические войны, финансовое противоборство – вызовы ближайшего будущего.

Стоит отличать глобальные войны от транснациональных. Не обязательно вторые сравниваются с первыми по масштабам. Они не всегда связаны с общецивилизационной угрозой, способностью уничтожить человечество. Ведя борьбу с транснациональными вызовами, правительства не теряют из виду, что они имеют дело с частью гражданского населения, образующего то, что называется «этнопирамидой».

Для перехода от войны к миру для общества необходима, прежде всего, *усталость сторон* от пребывания в напряжении. Нужно стремление двигаться к миру, нужна решимость внутренних и внешних сил. Вопрос упирается в наличие многоопытной дипломатии, которая поведет переговоры в правильном направлении. Лучшей гарантией мира становится генетическое воспроизводство у нового поколения страха перед войной. По психологическим последствиям Первая мировая война породила жажду реванша, Вторая – зеркальную по отношению к национализму идею интеграции. Тем не менее асинхронность развития породила страхи перед интеграцией, а неравномерность распределения ее результатов усиливается культурными различиями отдельных обществ.

Отсюда проистекает сложность выработки универсального критерия отношения к миру и войне. Решение в пользу второй – в принципе не является негативным. Оно должно учитывать региональные, культурные и стадийные различия. Отказываться от права на войну преждевременно. Максимум, на что можно рассчитывать, это снижение роли силовых регуляторов и попыток применения диктата на мировом уровне.

* * *

Диалектика мира и силы продолжает определять международные отношения. Она формирует специфику дипломатической повестки дня. Переходный момент от трагедии к «общежитию» зависит от многих условий, в том числе от соотношения сил между *главными мировыми коалициями держав*. Они поддерживают между собой международный контакт, с одной стороны, и отношения близкие к разрыву – с другой. Сегодня преобладают скорее конструктивные контакты. Посмотрим, как сложится дальше.

⁹ О предотвращении и пресечении террористических актов. ООН. Совет безопасности ООН. Рез. 1368 (2001). – Электронный фонд. docs.cntd.ru>document/901818428

Список литературы

- Кокошин А.А. О политическом смысле победы в современной войне. М.: Едиториал УРСС, 2004. 104 с.
- Ознобищев С.К. Новый мир и отношения Россия – НАТО // Полис, 2011, № 3. С. 50–57.
- Основы общей теории международных отношений. Учебное пособие. Отв.ред. Манькин А.С. М.: Издательство московского университета, 2009. 592 с.
- Теория международных отношений. Под ред. Цыганкова П.А. М., Юрайт, 2015. 316 с.
- Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М., Аспект Пресс, 2013. 573 с.
- Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.

STRUGGLE FOR PEACE AND CONFLICT RESOLUTION

ALEXEY BOGATUROV

Academic Educational Forum on International Relations, Moscow, 119454, Russian Federation
MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article discusses the main methodological foundations of applied analysis of international political confrontation and cooperation. Their demand is increasing due to the worsening of relations between Russia and the West in connection with the Ukrainian conflict. As a result, questions arise about the prospects of settlement of the conflict concerning the future of Donbass. European states (Germany and France) initiated a process for the pacification of the parties, but it is unclear to what extent they can be useful for the resolution of the conflict. While the process of developing a mutually acceptable compromise has not been successful so far, there is a need to find tools to enable a structured assessment of the level of tension of the political conflict and of the risk it will turn into an armed conflict. Modern politics is characterized not so much by a decline in the use of violence to achieve goals but by a proliferation of new forms for its realization, including sabotage, terrorism, and new unconventional warfare. Moreover, in modern conditions the expansion of hostilities often leads to the opposite side seeking a peaceful resolution of the conflict. In this respect, peace and war are now in a dialectical relationship. As a result, armed violence does not cease to be a necessary element of politics. It is not always possible to achieve peace by trying to shift the balance of power. This is a contradiction. War in this sense is a test of strength, an attempt to secure a satisfactory alternative to the current situation. The dialectics of peace and strength continues to define the specifics of the diplomatic agenda.

Keywords:

political conflict; the intensity of cooperation; war; terrorism; Russia; the West; Ukrainian conflict.

References

- Fenenko A.V. (2013). *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'. Yadernyj faktor* [Current International Security. Nuclear Factor]. Moscow: Aspekt Press. 573 p.
- Khrustalev M.A. (2015). *Analiz mezhdunarodnykh situatsij* [Analysis of International Situations]. Moscow: Aspekt Press. 208 p.
- Kokoshin A.A. (2004). *O politicheskom smysle pobedy v sovremennoj vojne* [About Political Meaning of Victory in the Modern War]. Moscow: Editorial URSS. 104 p.
- Manykin A.S. (ed.) (2009). *Osnovy obschej teorii mezhdunarodnykh otnoshenij* [Fundamentals of the General Theory of International Relations]. Moscow: Moscow State University Press. 592 p.
- Oznobishev S.K. (2011). *Novyj mir i otnosheniya Rossiya – NATO* [New World and Russia – NATO Relations]. *Polis*. No. 3. P. 50–57.
- Tsygankov P.A. (ed.) (2015). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij* [Theory of International Relations]. 316 p.